

Тишина в павильоне Илань, оставшаяся после отъезда императора, была нарушена недовольным возгласом Ли Чжао.

Он отстранил от себя тарелки — изысканные блюда внезапно показались ему безвкусными. На лбу залегли морщины раздражения:

— Мать, отец перешёл всякие границы!

Лань Гуйфэй вздохнула, глядя на сына, и жестом велела служанкам убрать недоеденные яства, оставив лишь чайник с прозрачным зелёным чаем.

Налив сыну чашку, она подвинула её к нему и с укором, но больше с тревогой произнесла:

— Ты сам не лучше. Разве не видел, как я всё время подавала тебе знаки, чтобы ты осторожнее выбирал слова? Зачем же вступать в спор с отцом?

— Гнев Его Величества уже поутих, и мы с ним договорились: твой брак следует решать постепенно, со временем обязательно найдётся возможность для манёвра. А ты за один обед сумел снова загнать себя в угол.

— Мать тоже догадалась? — Ли Чжао взял чашку, но пить не стал, лишь медленно водил пальцами по её тёплым стенкам.

Взгляд Лань Гуйфэй стал сложным и глубоким. Уже тогда, когда Небесный Занавес произнёс те роковые слова, она поняла почти всё. Особенно когда услышала, что её сын в будущем останется в одиночестве, а может, даже вынужден будет жениться ниже своего положения... Сердце матери сжалось от боли, будто его сдавила невидимая рука.

Она готова была пожелать своему Чжао стать менее чувствительным, более обыкновенным человеком. Пусть бы у него было хоть немного жён и наложниц, пусть бы окружили его дети и внуки — всё это было бы лучше, чем та ледяная, безлюдная высота, куда он, похоже, обречён.

Почему же он так пошёл в неё? Как в прежние времена отец не мог переубедить её саму, так и теперь она бессильна повлиять на Ли Чжао.

Она лишь протянула руку и мягко похлопала сына по напряжённому плечу:

— Сынок, слишком уж явно всё. Разве мать не знает тебя, упрянца? Всегда весёлый, будто ничего не тревожит, а стоит что-то всерьёз занять твоё сердце — девять коней не оттащишь.

— Как только Небесный Занавес заговорил, я сразу приказала приготовить любимые блюда твоего отца и пригласила его сюда, надеясь выиграть для тебя немного времени. А ты оказался

таким упрямым!

Она посмотрела в сторону, куда удалился император, и серьёзно спросила:

— Так сильно любишь? Подумай хорошенько: это ведь не простая любовная история из мирской жизни. У тебя есть трон, который нужно унаследовать.

Есть старая пословица: «Пусть ребёнок будет глуп и прост — лишь бы дожил до чина». Когда-то, как мать, она желала сыну лишь одного — быть здоровым и спокойным, прожить жизнь в достатке, будучи просто знатным вельможей.

Что до брака и детей — лишь бы он был счастлив. Будь то мужчина или женщина, она бы приняла выбор и постаралась уговорить императора.

Но теперь всё изменилось. Его величество возлагает на Ли Чжао большие надежды; вопрос о наследнике уже навис над головой. Отныне «счастье» стало грузом, связанным с судьбой государства и преемственностью династии — и это уже не так-то просто уладить.

— Да, матушка, — Ли Чжао поставил чашку, поднял глаза, и раздражение в них сменилось твёрдостью. — Именно потому я не могу позволить отцу отвергать Мин Чжэня на основании одних лишь подозрений. Это несправедливо по отношению к нему — и ко мне тоже. Спасибо вам, что так обо мне заботитесь.

Увидев непоколебимую решимость сына, Лань Гуйфэй поняла: уговаривать бесполезно.

— Ах... Ну что ж. Только вот мои мечты покачать на коленях внука, видно, так и останутся мечтами.

Она произнесла это с лёгкой досадой, но полушутливо — чтобы разрядить напряжённую атмосферу.

Ли Чжао, услышав это, чуть расслабился. Он встал, обошёл мать сзади и начал аккуратно массировать ей плечи, лукаво заметив:

— Матушка, взгляните с другой стороны. Разве внук, которого можно потом просто взять и усыновить, не лучше родного? И мучительное обучение грамоте, и юношеское своеволие — всё это можно будет пропустить.

— Прочь! Тебе и не понадобится его учить! — Лань Гуйфэй не знала, смеяться ей или сердиться, и шлёпнула его по руке.

— Не отвлекайся на глупости и не уваливай. Раз уж умеешь так красиво говорить, лучше

сосредоточься и подумай, как тебе пройти испытание отцом. Сегодня Его Величество сказал всё, что думает, — будь начеку.

Ли Чжао прекратил массаж. Лёгкая улыбка исчезла с его лица.

— Да, я понимаю.

Проведя с матерью время за обедом и успокоив её несколькими добрыми словами, Ли Чжао простился с Лань Гуйфэй и покинул дворец.

Послеполуденное солнце ярко сверкало на каменных плитах дворцовой дороги, режа глаза.

Сидя в карете по пути домой, он машинально постукивал пальцами по колену, уже приняв решение: пока не рассказывать Мин Чжэню о сегодняшней ссоре с отцом.

Мин Чжэнь всегда всё продумывает до мелочей. Ему стоило огромных усилий сделать первый шаг, и Ли Чжао наконец осознал свои чувства. Он не хотел сейчас нарушать хрупкое равновесие.

К тому же, ведь всего час назад он уверял Мин Чжэня, что всё уладит сам. А теперь прийти и жаловаться, что отец его пригрозил?.. Где же лицо!

Что до самого императора — в ближайшее время он вряд ли станет напрямую давить на Мин Чжэня. Достоинство Сына Неба не позволит ему опускаться до личной расправы с сыном министра из-за любовных дел. Разве что правый канцлер в ближайшее время будет замечать, что император смотрит на него чуть холоднее обычного.

При этой мысли Ли Чжао почувствовал лёгкое угрызение совести перед будущим тестем.

Карета мерно катилась по улицам, когда вдруг он вспомнил: ведь изначально он прибыл во дворец, чтобы доложить об угрозе контрабанды и предупредить о рисках, связанных с «Чжу Сянь Цао»! Но допрос отца о его «романтической натуре» и положении наследника так вывел его из равновесия, что он совершенно забыл о самом важном.

Вернуться сейчас во дворец? Нет, эта мысль тут же отпала. После столь неприятного расставания он не хотел снова встречаться с отцом и его мрачным лицом.

Лучше подать мемориал — эффект будет тот же, а конфликта удастся избежать.

Вернувшись в резиденцию, он направился прямо в кабинет. Разложив бумагу и разведя чернила, он чётко изложил предложения: усилить контроль на таможне, особенно внимательно проверять семена и живых существ, ввозимых из-за рубежа, ссылаясь на

предупреждения Небесного Занавеса. Письмо получилось взвешенным и убедительным.

Закончив, он поставил печать и приказал доверенному слуге немедленно отправить документ во дворец.

Однако даже после выполнения этого дела груз на сердце не стал легче. Ли Чжао отослал всех и остался один у окна в кресле-качалке.

Кресло тихо поскрипывало. Он смотрел на закат, уже клонившийся к западу, и хотя взгляд был рассеян, мысли мчались стремительно, выискивая в этой, казалось бы, безвыходной ситуации хоть малейшую щель для прорыва.

Пойти к отцу и умолять его? Бесполезно. Даже если бы это сработало, отец, раздражённый, мог бы просто запретить ему вход во дворец — и тогда все каналы связи окажутся перекрыты.

А если просто тянуть время? Ещё хуже. Весной следующего года Мин Чжэнь будет сдавать экзамены. До этого момента необходимо хотя бы смягчить позицию отца — перевести её от категорического отказа к нейтральному терпимому отношению, чтобы он не стал мстить Мин Чженю через назначения.

Иначе, в гневе, император может отправить его в провинцию или на дальний пост — и тогда между ними будут тысячи ли. Без поездов и скоростных составов он точно не хочет жить вдалеке друг от друга.

Может, попробовать использовать чужую силу?

Глаза Ли Чжао сузились. Монах Мин У из храма Дачжуэ, тот самый, что посоветовал ему метод укрепления духа, — человек глубокой мудрости, искусный в буддийских диалогах, и к тому же пользуется доверием императора, которого иногда вызывают ко двору для бесед о Дхарме.

Если устроить некое знамение — скажем, «Феникс прилетел к благородному» — и получить на это благословенный комментарий от самого мастера Мин У...

И тут в голове мелькнула ещё более дерзкая идея. Если Небесный Занавес может открыто обсуждать тайные связи, представляя их как романтические пары из будущих пьес, вызывая переполох в обществе...

Почему бы и ему не подтолкнуть в нужном направлении? Пустить по чайным и тавернам, по улицам и переулкам слухи о прошлой и настоящей судьбе, о тайной, глубокой связи между Священным Предком и министром Мином — истории, полные рока и преданной любви?

После слов Небесного Занавеса народ наверняка заинтересуется придворными тайнами. Возможно, опираясь на пророчество и общественное мнение, удастся постепенно изменить ход

событий.

А если добавить ещё одно обстоятельство: согласно Занавесу, преемник трона не из его крови, а из рода его брата? Ведь в том будущем у него вообще нет потомков.

Когда люди уже верят в пророчество, что перевесит: голос небес или призрачную надежду на несуществующего наследника?

Кресло продолжало покачиваться. Свет и тень играли на лице молодого царевича. Его растерянность и тяжесть постепенно уступили место холодной, хищнической собранности. Доска для игры уже расставлена. Даже если противник — сам император, держащий в руках фигуры, он найдёт путь к победе.

— Ваше Высочество, старший сын семьи Се просит аудиенции, — доложил стражник за дверью, нарушая тишину кабинета.

— Проводите в гостиную.

Ли Чжао встал и поправил одежду. Он был удивлён: он ещё даже не начал действовать, а представители знатных родов уже начали стучаться в его дверь. Он думал, что эти древние семьи не двинутся с места, пока не увидят собственного пепла.

Старший сын Се был безусловным наследником главы своего дома и пользовался доброй репутацией в столице. Сам Ли Чжао почти не общался с ним, зато часто веселился вместе с его младшим, весьма живым братом.

Когда он вошёл в гостиную, Се-гун уже стоял, склонив голову. Увидев принца, он немедленно поклонился с безупречной учтивостью:

— Приветствую Его Высочество, вана Жуй!

— Встаньте, — ответил Ли Чжао, не останавливаясь, прошёл мимо и спокойно уселся на главное место. Только теперь его взгляд скользнул по гостю.

Се-гун не выказал ни малейшего недовольства холодным приёмом. На лице его по-прежнему играла вежливая улыбка. Он сделал знак слугам.

— Ваше Высочество, скромный дар в знак благодарности за вашу заботу о моём младшем брате.

За его спиной один за другим открылись шкатулки и сундуки: жемчуг, нефрит, древние артефакты, шелка и парчи — всё сияло богатством и изяществом, явно демонстрируя

искренность намерений.

Ли Чжао лишь мельком взглянул на подарки и не стал их рассматривать. Пальцы его легко постукивали по подлокотнику, а голос звучал рассеянно, с той особой небрежностью, что присуща тем, кто давно привык к власти:

— Боюсь, я не совсем понимаю вас, господин Се. Юноши просто нашли общий язык — поиграли вместе. Если бы не сошлись характерами, разошлись бы. О какой заботе может идти речь?

Годы, проведённые при дворе, научили его держать нужный тон.

— Ваше Высочество шутите, — улыбка Се-гуна не дрогнула, он стал ещё почтительнее. — Удостоиться вашего внимания, пусть даже на миг, — величайшая честь для моего брата. Весь город знает: ваш взгляд пронизателен, а сердце благородно. Те, кто удостоивается вашей милости, без сомнения, — жемчужины и нефриты, которые вы сами сумели распознать.

— Хм, — коротко усмехнулся Ли Чжао, слегка наклонившись вперёд. Его глаза уставились на Се-гуна, и за внешней небрежностью проступила ледяная жёсткость. — Распознавать жемчужины? Увы, но в последнее время некоторые шакалы пытаются раздробить мой нефрит. И от этого мне совсем не по себе.

Он произнёс это легко, почти шутливо, но каждое слово было ядовито. Оба прекрасно понимали, кого он имеет в виду.

Лицо Се-гуна на миг изменилось, но он тут же взял себя в руки и глубоко поклонился:

— Ваше Высочество, даже шакалы знают, чего нельзя трогать, и умеют выбирать себе господина. Укажите им путь к спасению, продемонстрируйте милость и строгость — и не только шакалы, даже тигры и леопарды станут кланяться вам и служить по вашему слову.

<http://bllate.org/book/17167/1607680>